

УДК 343.985.7

А. А. Маркеева
Управление МВД России по г. Улан-Удэ

Типичные ситуации провокации сотрудников правоохранительных органов на совершение коррупционных правонарушений и способы их преодоления

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Посвящена вопросу идентификации неправомерного поведения, выраженного в провокации сотрудника правоохранительных органов на совершение коррупционного правонарушения.

Цель публикации – обратить внимание на то, что именно условия необходимо рассматривать как часть формирования коррупционной составляющей и правильно исследовать такое явление, как коррупционная провокация.

Методы: сравнительно-правовой и метод толкования правовых норм.

Результат: вне зависимости от шаблонных, устоявшихся на данном этапе развития мер, принимаемых государством в борьбе с коррупцией, до настоящего времени не до конца верна коррупциогенная составляющая преступности, так как коррупцию рассматривают только с точки зрения личной заинтересованности человека, задействованного в коррупционных схемах.

Вывод: на сегодняшний день механизм антикоррупционного поведения в данном аспекте взаимоотношений законодателем не сформирован, что дает основание полагать, что попытка провокации может быть удачной при условии отсутствия учета некоторых особенностей поведения участников таких отношений. Для того чтобы верно представлять коррупциогенную составляющую, необходимо смотреть на причины поведения нарушителя не только с точки зрения его личной заинтересованности, но и с позиции условий, в которых он находится или может находиться: когда провокация стала возможной по причине личного знакомства с провокатором, а также опосредована таким фактором, как доверительные отношения с ним; когда провокационные действия были совершены лицом, не имеющим прямого отношения к личности сотрудника, но в силу служебных обязанностей последнего плотно с ним взаимодействующим.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коррупция, провокация, уголовное преследование, законность, сотрудник органов, правонарушение, антикоррупционное поведение, провокатор.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Маркеева А. А. Типичные ситуации провокации сотрудников правоохранительных органов на совершение коррупционных правонарушений и способы их преодоления // Научный портал МВД России. 2021. № 4 (56). С. 92–98.

А. А. Markeeva
Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for Ulan-Ude

Provocation of law enforcement officers to commit corruption offenses in typical situations of inducing them to commit a corruption offense

ABSTRACT. *Introduction:* the article is devoted to the identification of illegal behavior expressed in provocation of a law enforcement officer to commit a corruption offense.

Purpose: to draw attention to the fact that it is necessary to consider the conditions as part of the formation of the corruption component, and, starting from the reverse side of its causes, to determine the correctness in the study of such a phenomenon as a corruption provocation.

Method: comparative legal and method of interpretation of legal norms.

The result: regardless of the standard, well-established, at this stage of development, measures taken by the state in the fight against corruption, its corruption-causing component is still not completely correct, since corruption is considered only from the point of view of the personal interest of the person involved in corruption schemes.

Conclusion: to date, the mechanism of anti-corruption behavior in this aspect of relations has not been formed by the legislator, which gives reason to believe that an attempt of provocation can be successful if some features of the behavior of participants in such relations are not taken into account. In order to correctly represent the corruption component, it is necessary to look at the reasons for the violator's behavior not only from the point of view of his personal interest, but also from the position of the conditions in which he is, or may be: when the provocation became possible due to personal acquaintance with the provocateur, and also mediated by such a factor as a trusting relationship with him; when provocative actions were performed by a person who is not directly related to the identity of the employee, but because of the need to perform official duties on the part of the latter, he encounters such a person and closely interacts.

KEYWORDS: corruption, provocation, criminal prosecution, legality, law enforcement officer, offense, anti-corruption behavior, provocateur.

FOR CITATION: Markeeva A. A. Provocation of law enforcement officers to commit corruption offenses in typical situations of inducing them to commit a corruption offense // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4 (56). P. 92–98 (in Russ.).

Коррупция как антисоциальное явление в природе человеческих отношений появилась очень давно, и поскольку, в сущности, коррупционные правонарушения являются следствием слабого контроля со стороны органов правопорядка за развитием института частной собственности (индивидуальной потребности), стоит сказать, что основными ее причинами всегда была тяга к наживе и обогащению со стороны определенных личностей.

Между тем, подчеркивая некоторые особенности взаимосвязи основ коррупционных правонарушений и учитывая, что большинство мер, принимаемых в борьбе с коррупцией непосредственно в России, носит «временно облегчающий, но неизлечимый характер», так как фактически подкрепляется правоприменительной теорией о возможности искоренить ее исключительно при помощи жесткой политики санкционного характера, мы можем наглядно убедиться в том, что логика причин проявления коррупционных факторов не всегда является такой, какой на первый взгляд представляют ее законодательные органы, а также суды, когда отражают мотивацию совершения коррупционного преступления в своих решениях.

К примеру, только за последние десять лет в нашей стране было принято достаточное количество законов и подзаконных актов различного уровня, где вопросам противодействия коррупции было уделено самое пристальное внимание¹.

Однако, как показывает практика, количество правонарушений подобного типа не только не сократилось, но и увеличилось, что послужило причиной пересмотра многих аспектов правового регулирования борьбы с коррупцией². Подтверждением этому служат последние предложения относительно необходимости исключения ответ-

ственности за нарушение установленных антикоррупционных запретов при условии, что причиной отклонения от нормы является факт влияния на поведение нарушителя определенных обстоятельств. К последним законодателем предлагается относить чрезвычайные и непредотвратимые обстоятельства, а также те, которые нельзя было ожидать или избежать либо которые нельзя было преодолеть³. Более того, часть законодательных инициатив предусматривает освобождение нарушителя от уголовного преследования, если будет достоверно установлено, что причиной получения незаконного вознаграждения либо услуги стали личные обстоятельства, вынужденно «подтолкнувшие» его к подобным действиям.

Такой законодательный посыл приводит к мысли о том, что современный элемент идеологической системы о причинности совершения коррупционных правонарушений намного глубже представления, строящегося исключительно на корысти и жажде насыщения материальными ресурсами.

Кроме того, наверное, впервые за долгие годы защитники антикоррупционной логики пытаются идти по пути представления о коррупции как о явлении социальном, а не асоциальном, вследствие чего стараются более детально изучать особенности отличия коррупционного правонарушения от другого, схожего с ним, но по своей объективной составляющей не представляющего собой что-либо социально опасное. Из этого следует, что, для того чтобы верно представлять себе коррупциогенную составляющую, необходимо смотреть на причины поведения нарушителя не только с точки зрения его личной заинтересованности, но и с позиции условий, в которых он находится или может находиться. С учетом того, что подобные условия необходимо научиться выявлять заблаговременно, ответственность законодательных инициатив в этом вопросе следует вырабатывать посредством изучения не просто факторов коррупционной направленности, но и других факторов, исключаящих такое поведение.

¹ См.: О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции»: Указ Президента Рос. Федерации от 21 июля 2010 г. № 925 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 30, ст. 4070; О противодействии коррупции: Федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ: принят Государственной Думой 19 дек. 2008 г.; одобрен Советом Федерации 22 дек. 2008 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52 (ч. I), ст. 6228.

² См.: Генпрокурор заявил о росте числа откатов и взятков в России // РБК: сайт. URL: <https://www.rbc.ru/society/17/06/2020/5eea5b6b9a79474fcea0507> (дата обращения: 29.01.2021).

³ См.: В Госдуму внесли законопроект об освобождении от ответственности за коррупцию // ТАСС: сайт. URL: <https://tass.ru/politika/10300077> (дата обращения: 29.01.2021).

Автор исследования «Актуальные вопросы теории и практики расследования должностных преступлений в таможенных органах» Ю. П. Гармаев, относя слабость противостоянию провокационной деятельности в рядах сотрудников правоохранительных органов к отсутствию необходимой криминологической составляющей, а точнее, отсутствию концептуальных и методических разработок ее идентификации, указывает на то, что основной причиной этого является недостаток конкретики в вопросах определения способов совершения преступлений данного типа, а также необходимого механизма слефообразования [3].

Так, несмотря на то что понятие «провокация» было закреплено во многих законодательных актах изначально, а в правоприменительной практике уже предостаточно случаев, когда причиной привлечения к ответственности стало именно провокационное действие, ученые продолжают вести спор относительно того, что именно нужно понимать под провокацией прежде всего с точки зрения отграничения данного явления от согласованного сторонами действия, где предметом отношений действительно выступает определенное материальное благо.

К примеру, само явление «провокация», как утверждает исследователь А. И. Чанышева, есть не что иное, как действие, выраженное в использовании либо создании благоприятных условий и направленное на подчинение воли провоцируемого в угоду их развития интересам провокатора, которые могут носить как открытый, так и закрытый характер [8].

Полагаем, что это определение позволяет нам прежде всего понять, что провокатор пытается не просто сразу же поставить координацию действий спровоцированного сотрудника в зависимость от собственной воли, но и привлечь его к постоянному участию в аналогичных актах путем применения шантажа в будущем.

Согласно этому определению цель провокатора может быть скрытой, а может быть и конкретной, следовательно, одним из условий успешности в вопросе провокации отчасти может выступать доверительное начало в отношениях между провокатором и сотрудником.

Другой позицией [2], представляющей интерес в рамках исследования и по логике правоприменителя имеющей особую актуальность в вопросах судебной и следственной практики по делам коррупционной направленности, является представление о «провокации», закрепленное в решениях Верховного Суда РФ.

В частности, в постановлении Пленума ВС РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» к данному явлению относится не только действие по передаче денежных средств сотруднику, заведомо не знавшему о планах провокатора его совершить, но и действие, совершение которого было приостановлено (пресечено) самим сотрудником. Особое внимание уделено тому обстоятельству, что должностное лицо, используемое в качестве объекта провокации, не может знать о намерениях предоставить ему какое-либо материальное благо.

Исходя из логики приведенных представлений о провокации можно сделать предположение о том, что основными предпосылками создания условий для ее реализации может стать, прежде всего, личное знакомство и даже общение с провокатором, в том числе корпоративное или дружественное общение. Понятно, что такие ситуации могут быть разнообразными, однако стоит остановиться на некоторых из них.

Для начала хотелось бы дифференцировать спектр указанных условий на две основные группы. К одной отнести провокацию можно по причине личного знакомства с провокатором, а также в случае, когда она опосредована таким фактором, как доверительные отношения с ним. К другой группе следует отнести случаи, когда провокационные действия были совершены лицом, не имеющим прямого отношения к личности сотрудника, но в силу служебных обязанностей плотно взаимодействующим с ним.

К примеру, одной из частых ситуаций, когда условия для провокации могут оказаться реальными, выступают отношения следователя либо оперативника с представителем обвиняемого – адвокатом. Так, современная конъюнктура отношений такова, подчеркивает Ю. П. Гармаев, что адвокаты, стараясь очень быстро реализовать собственный интерес в вопросе получения выгоды, идут на различные ухищрения, чтобы добиться нужного результата, – подкупают свидетелей, а также находят лжесвидетелей, фабрикуют материалы для целей подзащитного, служат каналом передачи информации между преступниками и обвиняемым, выступают посредниками в передаче незаконных вознаграждений сотрудникам [1]. Автор исследования в качестве одной из причин создания условий для склонения сотрудника к получению взятки или допущения провокации в отношении него называет чрезмерную близость защитника и должностного лица.

Все это в совокупности служит показателем

развивающейся практики и дает основания полагать, что отношения между адвокатом и должностным лицом могут стать причиной провокации со стороны первого; адвокат, понимая, что его подзащитного может ждать серьезное наказание, и видя, как следователь (дознатель) не дает ему шанса проявить себя в деле в качестве эффективного защитника, вполне может стать инициатором провокации, в том числе и сопровождаемой оперативным вниманием со стороны специальных служб. Делается это по разным причинам, одной из которых может стать заведомое устранение неподдающегося представителя власти, пусть даже и не путем привлечения к ответственности, а посредством временной дискриминации, влекущей за собой отстранение от конкретного дела.

Вполне логично, что нивелировать общение с адвокатом, к примеру в рамках уголовного судопроизводства, практически невозможно, тем более что это – процессуальная необходимость. Ярко выраженной особенностью таких ситуаций как раз и является именно фактор общения, который создает условия и одновременно с этим при достижении необходимого результата со стороны провокатора будет служить доказательством намерения сотрудника получить незаконное вознаграждение.

В то же время, как правило, полноценного защитного механизма от провокации не существует, но в данном случае основным средством может стать профилактическая деятельность со стороны самого сотрудника. Уже сейчас многие представители власти самостоятельно устанавливают фото- и видеofиксирующую технику в собственных зданиях и кабинетах, чтобы в случае подобной провокации либо указания на якобы достигнутую договоренность на получение незаконного вознаграждения предоставить объективные доказательства того, что такая договоренность отсутствовала. Более того, не следует прибегать в общении с адвокатами к мобильной связи, используя личные номера, а также переписку посредством СМС-сообщений или интернет-почты, так как это может стать косвенным доказательством якобы имеющейся договоренности.

Кроме того, важной особенностью при расследовании дел такого типа является фактура (логичность, последовательность и обоснованность) действий, которые совершало должностное лицо при общении с защитником. Если в указанных действиях не будет выявлено нарушений законодательства либо отклонений от норм закона, которые позволят избежать его соблюдения

в дальнейшем, в случае фиксации попытки передачи «вознаграждения», можно считать, что действия защитника носили явно провокационный характер.

Особое внимание нужно уделить провокационным действиям, совершаемым посредством электронной передачи денежных средств, в таких случаях доказательством провокации будет признаваться факт того, что сразу или в ближайшее время сотрудник примет меры по оповещению руководства о неизвестной ему транзакции либо обратится в подразделение собственной безопасности по данному факту.

Другим аспектом в формировании данных условий может стать личное знакомство адвоката с должностным лицом и приятельские отношения между ними, что одновременно переносится на их отношения в рамках судебного или досудебного производства. Случаев, когда адвокаты, указывая на знакомство с представителями правоохранительных органов и даже подтверждая это, старались выманить у подзащитного денежные средства, более чем предостаточно, и многие из них, если при передаче данных средств их задерживали, старались представить это как данность, шли на откровенные провокационные действия, стараясь таким образом уйти от ответственности и одновременно создать иллюзию законопослушного лица [5].

К сожалению, нередко должностное лицо вследствие этого становилось объектом уголовного преследования и, указывая на отсутствие действительного умысла в получении средств от своего знакомого юриста, не могло доказать это, так как провокатор в качестве доказательства обвинения предъявлял наличие устойчивой социальной взаимосвязи (родственной, дружественной, вызванной частым участием по делам, находящимся в производстве, и др.).

Нужно отметить, что многое в этом вопросе зависит от позиции законодателя, поскольку правовая особенность фиксации провокации в антикоррупционных делах такова, что ее наличие можно установить только одновременно с фактом передачи денежных средств. Следовательно, главной особенностью при таких условиях будет выступать то, что связь между представителем правоохранительных структур и тем же адвокатом может признаваться коррупционной исключительно при наличии иных доказательств, к которым, как мы указали выше, и может относиться оперативная осведомленность (прослушивание и наблюдение), ход расследования по конкретному делу и другие составляющие.

Следующим аспектом формирования условий, способствующих возможности провокации по причине личного знакомства, может стать административная составляющая, которая выражается в корпоративной зависимости одного должностного лица от другого более высокого ранга. В принципе отношения между начальником и подчиненным могут быть разнообразными, но очень часто они переходят в доверительные, что создает предпосылки к созданию условий, при которых подчиненный будет выполнять специальные поручения, в свою очередь формирующие зависимость вышестоящего должностного лица от данных обстоятельств.

Как отмечает Д. П. Лопатин, здесь провокационный сегмент формируется вследствие такого же чрезмерного доверительного эффекта, который выражается в неслужебном посредничестве и рано или поздно сформирует условия для провокации. Причинами ее совершения могут быть индивидуальная корпоративная заинтересованность, конфликтная ситуация между сотрудниками, личная неприязнь и многое другое [7].

Важно отметить, что нередки случаи, когда подчиненные, стараясь спровоцировать руководителя на получение средств, заведомо стараются расположить его к собственной персоне. Между тем, как правильно подмечено исследователем А. К. Шеметовым, главной особенностью здесь выступает то, что административная составляющая провокации основывается на заведомом нарушении правил служебного этикета, а также субординационной деформации. Основными признаками этого нарушения будут служить: откровенные попустительства по службе, панибратство, индивидуальный подход к оценке деятельности конкретного сотрудника и даже предвзятое отношение к остальным подчиненным [9].

Как показывает практика, для идентификации и исключения данных условий должностным лицам необходимо придерживаться четкой субординационной тактики, а также норм служебного этикета. Выбор такого поведения в случае наступления провокационных действий поможет исключить вероятность того, что связь между руководителем и подчиненным будет признана доказательством коррупционных намерений со стороны первого, и обнаружить намерения подчиненного-провокатора.

И, наконец, отдельное внимание нужно уделить вопросу образования условий, способствующих совершению провокационных действий со стороны потенциального провокатора, с которым

конкретное должностное лицо не знакомо, но знакомы его близкие родственники либо лицо, имеющее влияние на таковых. Необходимо хорошо понимать, что сама по себе провокация с объективной точки зрения как действие (провокация в бездействии не выражается), направленное на достижение определенной цели, представляет собой явление латентного характера, может иметь сложный механизм и к ней нужно готовиться заранее, а не спонтанно. Преступник, преследуя цель спровоцировать сотрудника, не всегда использует стандартный способ влияния на его родственников, поэтому им, как верно подмечает Ю. П. Гармаев в своем исследовании «Особенности расследования преступлений, связанных с посредничеством во взяточничестве», в качестве инструмента такого влияния могут применяться такие способы, как уговоры, лесть, угрозы, подкуп и даже обман [4].

И если фактически при соблюдении установленных правил сотрудник может обезопасить себя от подобных действий, то он не может предусмотреть всех последствий провокации со стороны родственников. Универсальным способом обнаружения провокации в таких случаях служит, как мы указали выше, отсутствие устойчивой связи между провокатором и сотрудником. Однако крайне сложно использовать это обстоятельство в случае, к примеру, электронного перевода денежных средств на карту супруги сотрудника, когда она не предпринимает мер к определению причин пополнения ее личного счета. В данном случае вектор доказательственной основы, исключающей договоренность между сотрудником и провокатором, переносится в плоскость отношений уже самого провокатора и супруги, повсеместно затрагивая взаимосвязь между интересом провокатора и действиями сотрудника, попутно определяя взаимную выгоду от действий последнего в интересах лица, совершающего провокацию.

Как закономерно утверждает С. Н. Клепиков, отсутствие умысла у сотрудника правоохранительных органов на совершение коррупционного преступления, в которое его вовлекают до начала провокационных действий, является единственным существенным основанием для утверждения его невиновности в последующем, следовательно, любому лицу, совершающему действия, связанные с его служебной деятельностью, необходимо помнить, что провокация, осуществляемая через родственников либо других близких лиц, не будет иметь значимой силы при условии соблюдения законных положений такой деятельности [6].

Такой подход достаточно логичен, однако сама по себе, к примеру, семейная связь как условие, способствующее коррупционной составляющей, не исключает факт того, что родственник не находится в сговоре на провокацию. Следовательно, вышеозначенная позиция не может служить залогом того, что провокация может быть нивелирована последовательным и добросовестным исполнением своих обязанностей при условии, что сам родственник также не принимает достаточных мер к раскрытию информации, свидетельствующей о факте передачи определенного ресурса. Поэтому члены семьи должны принимать меры, указанные выше, и, помимо декларации собственных доходов, самостоятельно реагировать на любые нестандартные и выходящие за рамки разумного понимания одаривания со стороны даже хорошо знакомых лиц, в частности не принимать такие подарки в дни, традиционно не связанные с безвозмездным предоставлением средств и услуг (дни рож-

дения, профессиональные праздники, рождения детей и т. д.), а также сообщать о любых манипуляциях, связанных с личными счетами сотрудника, включая любые незначительные изменения в их состоянии.

Рассмотрев некоторые особенности формирования условий провокационной среды, можно сказать, что на данный момент в научной среде нет однозначного мнения относительно правильности идентификации постфактум действий, направленных на провокацию сотрудника, однако общим признаком, как нам представляется, является отсутствие прочной взаимосвязи между интересами провокатора и сотрудника в части их отношений вне зависимости от характера последних (служебных, родственных, корпоративных и др.). При этом поведение сотрудника правоохранительных органов должно опираться на естественные признаки, формируемые конкретным служебным интересом, исключительно путем соблюдения установленных правил.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананиан Л. Л., Гармаев Ю. П. Участие недобросовестных адвокатов в организованной преступности и коррупции: комплексная характеристика и проблемы взаимодействия // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4 : Государство и право : реферативный журнал. 2005. № 2. С. 139–141.
2. Бабыч С. А. Провокация взятки либо коммерческого подкупа : уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006. – 215 с.
3. Гармаев Ю. П. Актуальные вопросы теории и практики расследования должностных преступлений в таможенных органах : дис. ... д-ра юрид. наук. – Иркутск, 1998. – 175 с.
4. Гармаев Ю. П. Особенности расследования преступлений, связанных с посредничеством во взяточничестве. – М. : Контур, 2016. – 345 с.
5. Калинина А. Л. Проблемные вопросы и практика использования оперативного эксперимента с учетом постановлений ЕСПЧ (на примере дел коррупционной направленности) // Юридические исследования. 2020. № 10. С. 52–63.
6. Клепиков С. Н. Вопросы совершенствования антикоррупционного законодательства в части установления запрета на совместную деятельность родственников на государственной службе // Общество. Закон. Правосудие : науч.-практ. юридический журнал. 2020. Т. 2. № 47. С. 5–7.
7. Лопатин Д. П. Характерные черты и особенности провокации преступления // Молодой ученый. 2019. № 50 (288). С. 537–539.
8. Чанышева А. И. Разграничение провокации от допустимых действий при проведении ОРМ «проверочная закупка» // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики : материалы XVII Международной науч.-практ. конференции : в 3 т. – Тольятти : Волжский университет имени В. Н. Татищева (институт), 2020. С. 269–273.
9. Шеметов А. К. Некоторые особенности проверки следователем версии о провокации взятки // Уголов-

но-процессуальные и криминологические проблемы в борьбе с преступностью : сб. статей межведомственного круглого стола, регионального круглого стола и Всероссийской науч.-практ. конференции. – Орел : ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2020. С. 163–166.

REFERENCES

1. Ananian L. L., Garmaev Yu. P. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4 : Gosudarstvo i pravo, referativnyj zhurnal* (Social and Human Sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 4: State and law : abstract journal), 2005, No. 2, pp. 139–141.
2. Babych S. A. *Provokatsiya vzyatki libo kommercheskogo podkupa : ugovovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty : dis. ... d-ra yurid. nauk* (Provoking a bribe or commercial bribery: criminal law and criminological aspects: Doctor's thesis), Moscow, 2006, 215 p.
3. Garmaev Yu. P. *Aktual'nye voprosy teorii i praktiki rassledovaniya dolzhnostnykh prestuplenij v tamozhennykh organakh : dis. ... d-ra yurid. nauk* (Topical issues of theory and practice of investigation of malfeasance in customs authorities: Doctor's thesis), Irkutsk, 1998, 175 p.
4. Garmaev Yu. P. *Osobennosti rassledovaniya prestuplenij, svyazannykh s posrednichestvom vo vzyatochnichestve* (Features of the investigation of crimes related to the mediation of bribery), Moscow: Kontur, 2016, 345 p.
5. Kalinina A. L. *Yuridicheskie issledovaniya* (Legal research), 2020, No. 10, pp. 52–63.
6. Klepikov S. N. *Obshhestvo. Zakon. Pravosudie : nauch.-prakt. yuridicheskij zhurnal* (Society. Law. Justice: scientific and practical legal journal), 2020, Vol. 2, No. 47, pp. 5–7.
7. Lopatin D. P. *Molodoj uchenyj* (Young scientist), 2019, No. 50 (288), pp. 537–539.
8. Chanyшева A. I. *Tatishhevskie chteniya: aktual'nye problemy nauki i praktiki : materialy XVII Mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konferentsii : v 3 t.* (Tatishchev Readings: Actual Problems of Science and Practice: Materials of the XVII Inter-

national Scientific and Practical Conference: in 3 volumes), Togliatti: V. N. Tatishchev Volga University (Institute), 2020, pp. 269–273.

9. Shemetov A. K. *Ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie problemy v bor'be s prestupnost'yu : sb. statej mezhhvedomstvennogo kruglogo stola, regional'nogo kruglogo stola i Vserossijskoj nauch.-prakt. konferentsii* (Criminal procedure and criminalistic problems in the fight against crime: collection of articles. articles of the interdepartmental round table, regional round table and All-Russian scientific-practical conferences), Oryol: V. V. Lukyanov Regional Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020, pp. 163–166.

Рукопись поступила в редакцию 17.08.2021, принята к публикации 13.12.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анастасия Александровна Маркеева, старший ин-

спектор отдела исполнения административного законодательства Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по г. Улан-Удэ (670000, Российская Федерация, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Куйбышева, д. 26)

ORCID ID: 0000-0003-2046-8797

E-mail: nascher83@yandex.ru

Тел.: 8 (3012) 21-02-02

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasia A. Markeeva, Senior Inspector of the Administrative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Ulan-Ude (670000, Russian Federation, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, St. Kuibysheva, d. 26)

ORCID ID: 0000-0003-2046-8797

E-mail: nascher83@yandex.ru

Tel.: 8 (3012) 21-02-02

